

же обзоры текущей иностр. лит-ры). Избранные критические эссе М. объединены в его книге **«Искатели»** (Шанхай, 1938). В центре внимания писателя — «люди, излучающие тревогу и беспокойство, внушающие подозрение и страх», идущие на «непонятные и смущающие поиски» (С. 7); в кругу этих «искателей» оказываются титанические фигуры (Наполеон, Гете, Бетховен, Бальзак) и «гении-неудачники» (Виктор Жакмон), представители отдаленных эпох (Данте, Паскаль) и старшие современники автора (Рильке, Эрнест Психари, Мишель Вьешанж), объединенные, по мысли М., подлинным религиозным исканием и метафизической тревогой, стремлением к «неясной, но несомненно ощущаемой цели» (С. 11).

10 марта 1942 М., оставшийся в Париже, был арестован немцами и заключен в лагерь Дранси; после 16 месяцев пребывания в различных лагерях в конце июля 1943 был отправлен в Германию; погиб в концентрационном лагере.

Соч.: Собр. стихотворений / Edited and with an Introduction and Notes by Ed Weeda. The Hague, 1990.

Лит.: *Терапиано Ю.* Встречи. Нью-Йорк, 1953. С. 122–125; *Терапиано Ю.* Встречи: 1926–1971. М., 2002. С. 99–101; *Яновский В.* Поля Елисейские. Книга памяти. Нью-Йорк, 1983. С. 214–215; *Яновский В.* Соч.: в 2 т. М., 2000. Т. 2. С. 375–376.

А. В. Лавров

МАРИЕНГОФ Анатолий Борисович [24.6 (6.7).1897, Нижний Новгород — 24.6.1962, Ленинград] — поэт, прозаик, драматург, мемуарист.

Родился в семье служащего, выходца из Лифляндии (Южная Эстония, отошедшая по Ништадтскому мирному договору со Швецией к России). Благодаря дворянскому происхождению матери некоторое время учился в нижегородском Дворянском ин-те императора Александра II, привилегированном среднем учебном заведении. В связи с переводом отца по службе в Пензу М. оставил ин-т. В 1916 окончил пензенскую гимназию, был мобилизован на Западный фронт, где служил в инженерно-строительной дружине.

В событиях 1917 М. непосредственного участия не принимал, но несколько позже (1918) свое отношение к ним выразил так: «Верьте, я только счастливый безумец / Поставивший все на Октябрь». Возвратившись в Пензу, М. печатает в пензенской губернской типографии «революционный альм.» «Исход».

А. Б. Мариенгоф

В 1919 М.— секретарь изд-ва ВЦИК в Москве, здесь знакомится и сближается с С. Есениным и В. Шершеневичем. Подпись М. стоит под манифестом русского имажинизма («Декларация», февр. 1919), а его стихи печатаются в многочисленных имажинистских сб. начала 1920-х.

Несколько десятилетий спустя М. напишет о тогдашних своих взглядах: «Не чуждо нам (Есенину и Мариенгофу.— Ред.) было и гениальное мракобесие Василия Васильевича Розанова» (Мой век... С. 402). М. вполне разделяет розановское (периода «Апокалипсиса нашего времени») понимание революции 1917 как разрешение конфликта между Христом и Солнцем-Иеговой в пользу второго. Но «счастливый безумец» идет дальше, он и Солнце лишает каких-либо сакральных прерогатив, рассматривая его лишь как некий «осветительный прибор», единственная функция которого — выхватить из тьмы времен «Я». В «Революционной Троице» (Свобода, Равенство, Братство) поэт привлекает, пожалуй, лишь свобода, понимаемая вполне по-штирнеровски. Не случайно, что «анархия» становится «лейт-словом» в поэме М. **«Кондитерская солнц»** (1919).

Вскоре, однако, восторг «счастливого безумца», намеренного «стихов серебряные росы» вручать «только тем, кто несет погромные колья», обретает и определенную эмоциональное противотечение: «Я знаю, увяты и мне» (поэма **«Слепые ноги»**). И если совсем недавно поэт призывал кровь Христа

«выплескивать, как воду из рукомойника», ради «живой жизни», то в 1920 в «мрачно-красивой» (В. Львов-Рогачевский) поэме **«Сентябрь»** он приходит к мысли о самоубийстве («Открою у ладони синий желоб. / Прольется кипяток. / Вольется лед»).

Поэзия М.-имажиниста глубоко пессимистична. Хотя **«Стихами чванствую»** и **«Развратничаю с вдохновеньем»**, но наступает **«Разочарование»**, и впору сделать **«Руки галстуком»**. Так, определенным образом соединив названия некоторых поэтических сб. М. 1919–20, можно было бы определить миро- и жизнеощущение поэта в этот период, учитывая, разумеется, игровой, нарочито-эпатажный характер этих названий.

Теоретик «ритмического стиха» и композитор А. Авраамов писал о поэзии М.: «... вот он, преодоленный (не первоначальный) хаос верлибра» (Авраамов А.— С. 20). По его мнению, для описания ритмического строя стихов М. требуется отказ от обычной «метрической номенклатуры» и переход к более тонко дифференцирующей «номенклатуре музыкальной». «По самодовлеющей мощи архитектоники и захватывающему лиризму», полагал он, стихи М. могут быть сравнимы с музыкой Баха. Есенину в качестве «музыкального аналога» назывался Гендель. С другой стороны, изощренный ритм стихов М., зачастую осложненный разноударной ассонансной рифмой, сильно затрудняет их восприятие, вызывает ощущение хаотичности, некоего «сумбура вместо музыки».

В 1920 М. выпускает брошюру по теории имажинизма **«Буян-остров»**. Как теоретик имажинизма, он оказывается отнюдь не столь радикален, как, например, В. Шершеневич. М. проповедует не «каталог образов», который можно с тем же успехом читать и от конца к началу, но «прекрасное целое», которое «прекрасно только в том случае, если прекрасна каждая из его частей» (Буян-остров. С. 10). Правда, «прекрасное» М. понимает по-своему. Он пишет: «Одна из целей поэзии — вызвать у читателя максимум внутреннего напряжения. Как можно глубже всадить в ладони читательского восприятия занозу образа», чему всего лучше служит соединение высокого и низкого, «совокупление соловья и лягушки» (Буян-остров. С. 11–12).

В. Львов-Рогачевский писал о М., что в его лирике нашли выражение «чувства и настроения хитровцев, утративших лик человеческий», добавляя: «Его могла бы спасти искренняя, горячая, непосредственная любовь» (Львов-Рогачевский В.— С. 45). Слова крити-

ка оказались пророческими. Трудно без трепета читать в воспоминаниях М. страницы, посвященные им жене, актрисе А. Никритиной. «Поэтический хитрованец» был спасен. Однако о М.— лирическом поэте с середины 1920-х всерьез следует говорить лишь в прошедшем времени. Стихи он продолжал — от случая к случаю — писать и позже, но собранные воедино (**Неизвестный Мариенгоф**. С. 91–151), они производят удручающее впечатление.

М. начинает работать для театра (пьеса **«Вавилонский адвокат»**, 1925). По его сценариям снимаются фильмы **«Дом на Трубной»** (1927), **«Проданный аппетит»** (1928) и др. После скандального успеха книги М. о Есенине **«Роман без вранья»** (3 изд. 1927–29) он обращается к прозе. Во мн. созвучны западноевропейской лит-ре «потерянного поколения» романы М. **«Циники»** и **«Бритый человек»** (в СССР опубликованы лишь в «эпоху перестройки»). Кстати, сюжет «Бритого человека» (совслужащий «с правом ношения оружия» из зависти убивает поэта, а затем успешно выдает убийство за самоубийство) вполне мог позднее послужить отправной точкой для возникновения версии об убийстве С. Есенина. Результатом издания романов на Западе (в 1929 вышли в свет «Циники», а в 1930 — «Бритый человек») было 10-летнее (1930–40) едва ли добровольное молчание М. как писателя в СССР. В 1940 М. снова начинает печататься, и в 1940–50-е М. издает свыше полсотни десяток пьес и комедий, вполне отвечающих «требованиям времени», однако у читателей и зрителей особым успехом не пользующихся. Вместе с тем значительный интерес представляют воспоминания М. **«Мой век, моя молодость, мои друзья и подруги»**, написанные в 1950-х.

Широкому читателю пока не известны некоторые пьесы М., киноповесть о Ермаке, исторический роман **«Екатерина»**.

Соч.: Буян-остров: Имажинизм. М., 1920; Рождение поэта. Шут Балакирев: пьесы. Л., 1959; Роман без вранья. Циники. Мой век, моя молодость, мои друзья и подруги. Л., 1988; Бритый человек. М., 1991; Неизвестный Мариенгоф: Избранные стихи и поэмы 1916–1962 гг. СПб., 1996; Стихотворения и поэмы. СПб., 2002. (Новая биб-ка поэта. Малая серия).

Лит.: Авраамов Арс. Воплощение: Есенин — Мариенгоф. М., 1921; Григорьев С. Пророки и предтечи последнего завета: Имажинисты Есенин, Кукиев, Мариенгоф. М., 1921; Львов-Рогачевский В. Имажинизм и его образности. Ревель, 1921; Аверин Б. Проза Мариенгофа // Роман без вранья; Циники; Мой век, моя молодость, мои друзья и подруги. Л., 1988. С. 473–479; Ма-

карова И. А. Поэты русского имажинизма // Макарова И. А. Очерки истории русской лит-ры XX века. СПб., 1995. С. 42–82; Ласкин А. Тросточка против безумия (штрихи к портрету поэта А. Б. М.) // Неизвестный Мариенгоф. СПб., 1996. С. 152–199; Русский имажинизм. История. Теория. Практика: сб. статей. М., 2003, 2005.

В. Ю. Бобрецов

МАРИНИНА Александра Борисовна (настоящее имя Алексеева Марина Анатольевна) [16.6.1957, Львов] — прозаик.

Происходит из семьи потомственных юристов. Отец был известным сыщиком, мать является первым вице-президентом Правовой академии Министерства юстиции, одним из ведущих специалистов в области судебной реформы и суда присяжных. До 1971 семья жила в Ленинграде, с 1971 — в Москве. М. училась в английской спецшколе (в Ленинграде — № 183, в Москве — № 17 и 9), в Ленинградской музыкальной школе им. Н. А. Римского-Корсакова.

В 1979 окончила юридический ф-т МГУ им. М. В. Ломоносова и получила распределение в Академию МВД СССР. Служебную карьеру начала с должности лаборанта, а в 1980 была назначена на должность науч. сотрудника, получила звание лейтенанта милиции. М. занималась изучением личности преступников с аномалиями психики, а также «серийных преступников» (рецидивистов), совершавших повторные насильственные преступления. В 1986 защитила канд. дис. по теме «Личность осужденного за насильственные преступления и предупреждение специального рецидива». С 1987 занималась анализом и прогнозированием преступности. Имеет более 30 науч. трудов. С 1994 работала заместителем начальника и главным редактором науч.-исследовательского и редакционно-издательского отдела Московского юридического ин-та МВД России. В февр. 1998 вышла в отставку в звании подполковника милиции. Совместно с коллегой Александром Горкиным М. вела в ж. «Милиция» рубрику «Школа безопасности». Материалы рубрики носили пародийный, шуточный характер, но на самом деле это были практические советы, как уберечься от того или иного вида преступления. Псевдоним «Александра Маринина», составленный из имен авторов, использовался ими также при написании материалов для газ. «Пролог» (очерки о совр. преступности в России), газ. «Экспресс» (юмористические рассказы о том, что нужно обязательно делать, чтобы наверняка стать жертвой преступления — некое подобие школы безопасности наоборот).

А. Б. Маринина

Первая детективная повесть **«Шестикрылый Серафим»**, написанная в 1991 совместно с Александром Горкиным, была опубликована в ж. «Милиция». В дек. 1992 после опубликования «Шестикрылого Серафима» М. решила попробовать написать детективную повесть самостоятельно. Роман **«Стечение обстоятельств»**, где впервые появилась серийная героиня Анастасия Каменская, был написан в дек. 1992 — янв. 1993 и опубликован в ж. «Милиция» осенью 1993. В течение 1993–94 были написаны повести **«Игра на чужом поле»** и **«Украденный сон»**. В янв. 1995 к М. обратилось изд-во «ЭКСМО» с предложением издать ее произведения в серии «Черная кошка». Первая книга, изданная «ЭКСМО», появилась в апр. 1995, в ней были опубликованы повести «Шестикрылый Серафим» и **«Убийца поневоле»**. После этой книги права на повесть «Шестикрылый Серафим» никому не передавались, и автор выступает категорически против ее дальнейшей публикации.

В 1995 М. присуждена премия МВД России за лучшее произведение о работе российской милиции (за книги **«Смерть ради смерти»** и «Игра на чужом поле»). В 1998 на Московской международной книжной ярмарке писательница была признана «Писателем года» как автор, книги которого в 1997 были проданы наибольшим количеством тиражей. В 1998 М. стала лауреатом премии ж. «Огонек» в номинации «Успех года». Кни-